

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-32-66

А.А. ГерасимоваМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке

В статье мы ставим цель определить набор формальных признаков для классификации русских биноминативных клауз. Центральным в области исследования биноминативных клауз можно назвать противопоставление предикативных и специфицирующих предложений. Данное противопоставление проводится по трем основным критериям: соотношению денотативных статусов именных компонентов, синтаксическим ограничениям, а также особенностям информационной структуры. Наиболее полная классификация биноминативных предложений в русском языке, разработанная Е.В. Падучевой и В.А. Успенским, задается соотношением денотативных статусов в клаузе, а также тем, какая из двух именных составляющих является контролером согласования. Однако классификация не учитывает варьирование при согласовании, а сами авторы выделяют ряд случаев, являющихся проблемными. В статье мы проводим сопоставительный анализ различных подходов к классификации биноминативных предложений и определяем критерии различения предикативных и специфицирующих биноминативных предложений в русском языке. В частности, мы предлагаем отказаться от использования модели согласования в качестве критерия для классификации и взамен сосредоточиться на соотношении денотативного статуса именных компонентов и актуального членения.

Ключевые слова: биноминативные предложения, специфицирующие предложения, согласование, русский язык

© Герасимова А.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-312-90004.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Герасимова А.А. К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке // Рема. Rhema. 2022. № 2. С. 32–66. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-32-66

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-32-66

A.A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Towards the classification of Russian binominative clauses

The goal of the study is to define a set of formal parameters to classify Russian binominal clauses. Central to the investigation domain of binominal copular clauses is the opposition between specificational and predicational clauses. The opposition is supported by the differences in the referential status of nominal phrases, the constraints on syntactic movement and the differences in information structure. By contrast, the most elaborated classification of Russian binominative clauses is determined by the referential status of nominal phrases and the agreement pattern. However, this classification does not take into account any variability and fails to classify several types of sentences. This paper offers a comparative analysis of different approaches to Russian binominative clauses classification. We define formal criteria for distinguishing specificational and predicational clauses in Russian. In particular, we suggest to refrain from basing classification on agreement patterns and to focus on referential status of nominal phrases and its relation to the thematic-rhematic articulation instead.

Key words: binominative clauses, specificational copular clauses, agreement, Russian

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 20-312-90004.

FOR CITATION: Gerasimova A.A. Towards the classification of Russian binominative clauses. *Rhema*. 2022. No. 2. Pp. 32–66. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-32-66

1. Введение

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются биноминативные предложения в русском языке. Под биноминативными конструкциями мы будем понимать копульные клаузы, вершинами которых является глагольная связка *быть*, соединяющая две именные группы в именительном падеже. В статье мы ставим перед собой задачу определить набор формальных признаков для классификации русских биноминативных предложений.

Биноминативные клаузы представляют особый интерес с точки зрения исследования механизмов согласования, в частности, они представляют собой клаузу, в которой есть два потенциальных контролера предикативного согласования. Примечательно, что оба потенциальных контролера имеют одинаковые падежные характеристики, а следовательно, появляется возможность отделить фактор падежного маркирования от согласования по ф-признакам. Сравнение биноминативных предложений, в которых контролеры имеют различные значения ф-признаков, позволяет установить, какие значения грамматических категорий способствуют выбору той или иной стратегии согласования. Возможность подобного сравнения определяет актуальность сопоставления биноминативных предложений в языках мира.

Центральным в области исследования биноминативных клауз можно назвать противопоставление предикативных и специфицирующих предложений. Исследования на материале германских языков показали, что названное противопоставление является не просто семантическим, но позволяет объяснить асимметрию синтаксических ограничений на передвижение для двух типов конструкций. Названное противопоставление отражает также асимметрию согласования: для специфицирующих конструкций обнаруживается варьирование в выборе контролера согласования, в то время как в предикативных клаузах стратегия согласования однозначно определена. Поскольку классификация оказывается релевантной для синтаксических свойств биноминативных предложений, возникает задача моделирования различий в деривационной

структуре клауз двух типов. В соответствии с наиболее частым современным подходом к анализу биноминативных предложений, специфицирующие клаузы деривируются из предикативных.

Центральным в области исследования русских биноминативных клауз оказался вопрос о выделении подлежащего и сказуемого. Наиболее полная классификация биноминативных клауз для русского языка была разработана в статьях Е.В. Падучевой и В.А. Успенского [Падучева, Успенский, 1977, 1997]. Критериями для классификации выступают соотношение денотативных статусов именных составляющих, а также то, какая из двух именных групп является контролером согласования. Несмотря на полноту представленного эмпирического материала, данная классификация не лишена недостатков: она не учитывает возможное варьирование при согласовании, а сами авторы выделяют ряд случаев, являющихся проблемными для классификации. Наконец, ключевым для целей нашей статьи является отсутствие связи классов в данной классификации с названной оппозицией предикативных и специфицирующих биноминативных предложений.

При моделировании различий предикативного и специфицирующего типов биноминативных предложений исследователи сходятся на том, что данное противопоставление является универсальным. Иными словами, мы могли бы ожидать аналогичное распределение синтаксических свойств биноминативных клауз для русского языка. Действительно, классификация Ф.Р. Хиггинса была адаптирована к материалу русского языка в работе Л. Гайст [Geist, 2007], однако вряд ли эту адаптацию можно считать удовлетворительной. Несовершенство проекции классов Ф.Р. Хиггинса на русский язык состоит в том, что не учитываются особенности употребления русских биноминативных предложений, связанные с актуальным членением (и обширно представленные в работе [Падучева, Успенский, 1997]).

Перспектива типологического исследования биноминативных клауз подразумевает необходимость установить соответствие между типами биноминативных предложений в разных языках. Предположение о том, что деление таких предложений на предикативные и специфицирующие универсально, позволяет ожидать, что данные типы возможно выделить и на материале русского языка. В статье мы задаемся вопросом о том, как данное противопоставление представлено в русском языке. Чтобы ответить на этот вопрос, мы объединяем формальные признаки, на основании которых строятся упомянутые классификации, и предлагаем собственный вариант классификации, который позволит в дальнейшем исследовать русские биноминативные предложения в контексте проблематики согласования.

Изложение организовано следующим образом. В разделе 2 мы представим критерии, на основании которых выделяются два центральных типа биноминативных предложений, а также обсудим, какие синтаксические особенности соответствуют данной оппозиции. Далее в разделе 3 мы обратимся к классификациям биноминативных клауз в русском языке и отметим их сильные и слабые стороны. В разделе 4 мы обратимся к вопросу о том, может ли согласовательная модель выступать в качестве критерия для выделения классов биноминативных предложений в русском языке. Мы приведем ряд аргументов против использования согласовательной модели как основания для классификации. Наконец, в разделе 5 мы представим классификацию биноминативных предложений, использование которой, на наш взгляд, будет способствовать исследованиям проблематики согласования на данном материале. Раздел 6 представляет собой заключение.

2. Оппозиция специфицирующих и предикативных биноминативных предложений

Практически все предлагавшиеся когда-либо классификации биноминативных предложений предполагают наличие как минимум двух их типов: предикативных и специфицирующих. Первоначально данное противопоставление было сформулировано для псевдоклефтовых конструкций (или псевдоклефтов), в которых копула соединяет относительное придаточное, вводимое *wh*-группой, и номинативную составляющую. В частности, А. Акмаджан выделяет в качестве специфицирующих конструкций такие, в которых клауза содержит семантическую переменную, и эта переменная уточняется посткопульным элементом [Акмаjian, 1979]. В случае псевдоклефта переменная представлена *wh*-словом и вводится относительной клаузой, а именная составляющая заполняет значение этой переменной (1а). Ф.Р. Хиггинс распространяет понятие специфицирующих конструкций на биноминативные клаузы: в них именная группа, которая предшествует копуле (ИГ1), вводит переменную, а именная группа, следующая за копулой (ИГ2), предоставляет значение для этой переменной (1b) [Higgins, 1979].

- (1) а. [*What John treasures most*]_{CP} is [*this book*]_{NP}.
 что Джон дорожит больше всего есть эта книга
 ‘То, чем Джон дорожит больше всего, – это эта книга.’
- б. [*John’s greatest treasure*]_{NP} is [*this book*]_{NP}.
 Джона величайшее сокровище есть эта книга
 ‘Величайшее сокровище Джона – эта книга.’

Наряду со специфицирующими биноминативными предложениями, Ф.Р. Хиггинс выделяет еще три типа биноминативных предложений:

1) предикативные, в которых ИГ1 вводит референта, а ИГ2 описывает его свойства;

2) устанавливающие тождество, в которых обе именные группы отсылают к одному референту;

3) идентифицирующие, в которых одна из именных групп представляет собой дейктическое выражение.

Классификация Ф.Р. Хиггинса, помимо того, что была первой, стала наиболее распространенной, и дальнейшие работы уже отталкивались от данной классификации. Для части авторов она оказалась недостаточной: так, в работах [Declerck, 1988; Van Praet, 2019] авторы идут по пути расширения набора семантических классов, С. Бежар с соавторами вовсе отрицают релевантность классификации для синтаксиса [Bejar et al., 2015]. Другие исследователи считают классификацию Ф.Р. Хиггинса избыточной [Heggie, 1988; Verheugd, 1990; Moro, 1997; Mikkelsen, 2011]. Сокращение типов биноминативных предложений не затрагивает при этом оппозицию специфицирующих и предикативных клауз: другие типы либо сводятся к данной оппозиции, либо полностью сокращаются.

Заметим, что в приведенных нами определениях различие между двумя основными типами биноминативных предложений определяется в терминах денотативного статуса именных компонентов предложения. Общим практически для всех исследователей оказывается противопоставление более и менее референтной именной группы: в специфицирующих биноминативных предложениях ИГ1 является менее референтной, чем ИГ2, в предикативных – напротив, ИГ2 более референтная, чем ИГ1. Такое определение мы видим в классификации Ф.Р. Хиггинса, оно же проходит красной нитью через все последующие классификации (см. также [Mikkelsen, 2005; Arche et al., 2019], обзор в [den Dikken, 2006]). Отметим, однако, что хотя порядок отличных по референтности именных групп является основным критерием для различения двух типов биноминативных предложений, многие авторы отмечают возможность омонимии прочтений. Рассмотрим подробнее пример (2), в котором допустимы две интерпретации.

(2) [den Dikken, 2006, (13)]

His supper is food for the dog.

его ужин есть еда для собаки

‘Его ужин – еда для собаки.’

Предикативное прочтение (2) предполагает большую референтность ИГ *his supper* ‘его ужин’. Следовательно, при предикативном прочтении

предложение означает, что ужин референта используется в качестве еды для собаки. При специфицирующем прочтении большей референтностью характеризуется ИГ *food for the dog* ‘ужин для собаки’. Тогда ИГ1 *his supper* ‘его ужин’ задает множество объектов, а ИГ2 называет элемент этого множества – еду для собаки, которая используется в качестве ужина. В терминологии К.С. Доннелан [Donnellan, 1966, 1968] и Е.В. Падучевой [Падучева, 1985] ИГ1 в специфицирующих биноминативных предложениях употребляется атрибутивно: дескрипция отсылает к лицу или предмету, которые удовлетворяют данной дескрипции, кто бы это ни был. Стоит заметить, что Ф.Р. Хиггинс предполагал т.н. суперскриптивное употребление: в противоположность атрибутивному употреблению ИГ, при суперскриптивном допускается, что говорящий знает, кто или что является референтом и может обозначить референта более точным образом, хотя по каким-то причинам этого не делает.

Ф.Р. Хиггинс также отмечает дискурсивную функцию специфицирующих биноминативных предложений, которая состоит в том, что такие клаузы могут использоваться в качестве ответов на вопросы, а также характерную для них интонацию перечисления. Специфицирующие биноминативные предложения в целом оказываются сходны с вопросно-ответными парами: в них элемент, соответствующий вопросу, предшествует копуле, а ответ следует за ней. В целом такое понимание соответствует прагматическому взгляду на само понятие референтности компонентов биноминативных предложений, которое встречается у многих авторов [den Dikken et al., 2000; Schlenker, 2003; Mikkelsen, 2011].

Помимо референтности отмечается также и определенность ИГ1: неопределенные ИГ1 в специфицирующих биноминативных предложениях в английском языке приводят к неграмматичности (3). По-видимому, связь специфицирующего типа и категории определенности можно объяснить тем, что неопределенная составляющая не содержит йота-оператор, переменную или домен индивидов, а следовательно, не может вводить переменную [Guéron, 1993]. Для предикативных биноминативных предложений, в свою очередь, постулируется только референтность ИГ1-субъекта, а также предикативный денотативный статус ИГ2.

(3) [Declerck, 1984, (11c)]

*A	<i>man</i>	<i>I</i>	<i>met</i>	<i>yesterday</i>
ART.NDEF	мужчина	я	встретил	вчера
<i>was</i>	<i>Jack Jones.</i>			
был	Джек Джонс			

Букв. ‘Какой-то мужчина, которого я встретил вчера, был Джек Джонс.’

Разделение биноминативных предложений на два типа обусловлено не только семантическими или прагматическими различиями, но также особенностями синтаксического поведения. Поскольку синтаксические диагностики по различению специфицирующих и предикативных биноминативных предложений предлагались преимущественно на материале английского языка, в этом разделе мы будем рассматривать английские примеры. Во-первых, для специфицирующих биноминативных предложений наблюдаются ограничения на передвижение *wh*-элементов, которые отсутствуют в предикативных (4) [Grosu, 1972; Heggie, 1988; Moro, 1997; Neuscock, Kroch, 1999]. Предикативные биноминативные предложения, напротив, допускают извлечение посткопультной составляющей, а также элементов из нее (5).

(4) [den Dikken, 2006, (108)] (разметка составляющих – моя. – А.Г.)

- a. *I believe that [the cause of the riot] was*
я верю что причина бунта была
[a picture of the wall].
картина стены
'Я верю, что причиной бунта была картина стены.'
- b. **[Which picture] do you believe that [the cause of the riot was ___]?*
Ожид. 'Какая картина ты веришь, что причина бунта была?'
- c. **[Which wall] do you believe that [the cause of the riot was a picture of ___]?*
Ожид. 'Какой стены ты веришь, что причина бунта была картина?'
- d. **[Which riot] do you believe that [the cause of ___ was a picture of the wall]?*
Ожид. 'Какого бунта ты веришь, что причина была картина стены?'
- e. **[The cause of which riot] do you believe [___ was a picture of the wall]?*
Ожид. 'Причина какого бунта ты веришь, что была картина стены?'

(5) [den Dikken, 2006, (110)] (разметка составляющих – моя. – А.Г.)

- a. *I believe that [the cause of the riot] was*
я верю что причина бунта была
[a big surprise to us all].
большой сюрприз для нас всех
'Я верю, что причина бунта была большим сюрпризом для всех нас.'

- (5) b. [*How big a surprise*] do you believe [*the cause of the riot was ___*]?
 Букв. ‘Насколько большим сюрпризом ты веришь, что причина бунта была?’
- c. [*Who*] do you believe that [*the cause of the riot was the biggest surprise to ___*]?
 Букв. ‘Для кого ты веришь, что причина бунта была большим сюрпризом?’
- d. *[*What*] do you believe that [*the cause of ___ was a big surprise to us all*]?
 Ожид. ‘Чего ты веришь, что причина была большим сюрпризом для всех нас?’

Во-вторых, в английском языке, в отличие от предикативных предложений, не допускается употребление специфицирующих биноминативных предложений в малых клаузах без выраженной связки, напр., с глаголом *consider* (6) [Moro, 1997; Mikkelsen, 2011].

- (6) a. I consider [s [_{DP} a picture of the wall]_j]
 я считаю картина стены
 (to be) t_j [_{DP} the cause of the riot]
 быть причина бунта
 ‘Я считаю, что картина стены была причиной бунта.’
- b. I consider [s [_{DP} the cause of the riot]_j]
 я считаю причина бунта
 *(to be) t_j [_{DP} a picture of the wall]
 быть картина стены
 ‘Я считаю, что причиной бунта была картина стены.’

Наконец, еще одно свойство, которое привлекало внимание исследователей, связано с меж- и внутриязыковым варьированием при согласовании связки в биноминативных предложениях. В разных языках обнаруживаются отличные предпочтения при выборе контролера согласования. Так, например, в английском языке согласование происходит с ИГ1, в итальянском – с ИГ2. Случаи вариативности во многом затрагивают разделение биноминативных предложений по классам: так, в нидерландском, фарерском, немецком и исландском вариативность характерна для специфицирующих предложений [Hartmann, Neuscock, 2020].

Синтаксически оппозиция специфицирующих и предикативных биноминативных предложений моделируется с помощью трансформационного подхода. Согласно наиболее распространенному варианту анализа, специфицирующие биноминативные предложения являются инвертированными предикативными [Heggie, 1988; Moro, 1991, 1997; Adger,

Ramchand, 2003; Mikkelsen, 2005; den Dikken, 2006; Hartmann, 2019; Hartmann, Neusock, 2020]. Предполагается, что исходно все биноминативные предложения имеют структуру малой клаузы, т.е. представляют собой предикативную составляющую, которая состоит из более референтной ИГ и более предикатной ИГ и является комплементом глагола-связки. Тип биноминативных предложений определяется тем, какая из двух составляющих передвигается в позицию подлежащего Spes, TP. Заметим, что структурно более высокая именная группа в составе малой клаузы не мешает передвижению именной группы, расположенной ниже в дереве составляющих, поскольку предполагается равная удаленность двух именных групп от зонда, вызывающего передвижение. Равная удаленность, в свою очередь, объясняется как результат передвижения вершины малой клаузы в позицию комплемента копулы.

В такой модели ограничения на передвижение следуют из позиции, которую более референтная ИГ2 занимает в структуре специфицирующего биноминативного предложения. Предполагается, что до передвижения предикатной составляющей в структуре малой клаузы эта именная группа занимает позицию подлежащего, извлечение из которого запрещено (ср. островное ограничение подлежащего) [Moro, 1997; den Dikken, 2006]. Анализ с инверсией позволяет объяснить и асимметрию употребления связки при глаголах типа *consider*. В случае специфицирующих биноминативных предложений именно связка предоставляет посадочное место для передвижения более предикативной ИГ1, а именно, позицию спецификатора. При опущении копулы такой позиции нет, и деривация специфицирующей клаузы не сходится [Neusock, Kroch, 1999].

При формальном моделировании биноминативных предложений основную трудность представляет учет вариативности согласования¹. Согласование с ИГ1, которая занимает позицию подлежащего, моделируется также, как и любые другие случаи согласования с каноническим подлежащим. Моделировать согласование с ИГ2 уже сложнее. Укажем два возможных подхода к решению этой проблемы. В модели С. Бежар и А. Канемуйпура для объяснения согласования с ИГ2 предлагается постулировать *дефектность* ИГ1, которую можно связать, например, с отсутствием признака лица [Béjar, Kahnemuyipour, 2017, 2018]. В анализе Ю. Хартманн и К. Хейкок предлагается моделировать передвижение именных групп как происходящее в несколько этапов: сначала составляющая передвигается в некоторую позицию ниже бытийной

¹ Анализ с инверсией развивается в традиции формального синтаксиса и предполагает, что согласование происходит между вершиной-зондом, в которой находится связка, и составляющей-целью, которая находится ниже зонда.

связки, затем – в позицию подлежащего [Hartmann, Neuscock, 2016, 2017]. Однако в части языков, по мысли Ю. Хартманн и К. Хейкок, ИГ1 минует промежуточные позиции и сразу передвигается выше бытийной связки. В результате эта именная группа выходит из зоны си-командования зонда и становится невидима для согласования. Внутриязыковая вариативность при этом объясняется наличием в языке нескольких вариантов грамматик, которые отличаются механизмом передвижения ИГ1 [Hartmann, Neuscock, 2020].

С нашей точки зрения, оба представленных подхода являются неудачными. Во-первых, отсутствуют строгие критерии для различения дефектных именных групп. Если постулировать вариативность в признаках именных групп, как это делают С. Бежар и А. Канемуйпур, разумно ожидать проявления подобной дефектности и в других феноменах языка. Далее, оба подхода допускают случайность варьирования и не выделяют никаких ограничений на вариативность: ничто не мешает постулировать дефектность именных групп и/или возможность переключаться между грамматиками во всех языках мира и в любых контекстах. Тем не менее, распределение согласовательных моделей все-таки ограничено. Наконец, представленный подход не позволяет связать выбор контролера согласования с внутренней структурой биноминативного предложения или разграничить два типа биноминативных предложений с точки зрения согласования, хотя вариативность постулируется главным образом именно для специфицирующих биноминативных предложений, а не для предикативных.

Завершая раздел, мы рассмотрим еще одно важное отличие специфицирующих биноминативных предложений, которое связано с коммуникативным членением. В отличие от предикативных, они имеют фиксированную информационную структуру, в которой ИГ2 находится в фокусе [Heggie, 1988; Hartmann, 2019]. Данную особенность можно продемонстрировать при изменении фокуса вопроса. Как при предикативном, так и при специфицирующем прочтении в фокусе может находиться более референтная именная группа: ИГ1 в предикативном биноминативном предложении (7B), ИГ2 – в специфицирующем (7B'). Однако фокус на менее референтной именной группе возможен только в случае предикативного типа биноминативного предложения (фокус на ИГ2 (8B)), но не допустим в случае специфицирующего прочтения (фокус на ИГ1 (8B')).

(7) [Hartmann, 2019, (1)], вопрос к более референтной ИГ

A: Who was the culprit? (John or Bill?)

B: JOHN was the culprit.

B': The culprit was JOHN.

предикативное

специфицирующее

(7) 'A: Кто был преступником? (Джон или Билл?)

B: Джон \ был преступником.

B': Преступником был Джон \.'

(8) [Hartmann, 2019, (2)], вопрос к менее референтной ИГ

A: What was John? (Was John the culprit or the victim?)

B: John/he was the CULPRIT. предикативное

B': *The CULPRIT was John/him. специфицирующее

'A: Кем был Джон? (Был Джон преступником или жертвой?)

B: Джон был преступником \.

B': Преступником \ был Джон.'

Подобную закономерность можно связать с тем, что ИГ1 в специфицирующих предложениях катафорична, она задает множество, а следовательно, отсылает вперед повествования. Элемент, который заполняет семантический пробел, не может быть анафоричен, его статус как нового ведет к тому, что он маркирован главным фразовым ударением.

В связи с асимметрией информационной структуры стоит также осветить случаи неоднозначности прочтения, которые фиксируют некоторые авторы.

С одной стороны, возможна омонимия собственно предикативного и специфицирующего прочтения, ср. пример (9а), в котором допустимы обе интерпретации. При этом контекст может способствовать той или иной интерпретации: например, одно из двух прочтений можно вызывать, если добавить к той именной группе, которая должна восприниматься как более референтная, имя собственное [Hartmann, Neusock, 2020].

С другой стороны, отмечается т.н. обратимость специфицирующих биноминативных предложений: в некоторых случаях можно изменить порядок именных составляющих с сохранением специфицирующего прочтения, ср. (9а–б). Заметим, однако, что линейное расположение ИГ-переменной и ИГ-значения остается фиксированным. Иными словами, при обратимости меняется соотношение собственно множества и его элемента.

(9) [den Dikken, 2006, (56)]

a. *John's contribution to the conference was*
 Джона вклад в конференцию был
his best speech ever.

его лучшая речь когда-либо

'Вклад Джона в конференцию был(а) его лучшая речь за все времена.'

b. *His best speech ever was*
его лучшая речь когда-либо была
John's contribution to the conference.
Джона вклад в конференцию
'Лучшая речь Джона за все времена был(а) его вклад
в конференцию.'

Такую неоднозначность можно связать с возможностью смены направления гипонимо-гиперонимических отношений в копульном предложении. Так, А. Блом и С. Даалдер предлагают считать, что все копульные предложения представляют собой предикации, в которых более предикативная именная группа функционирует как гипероним, а более референтная – как гипоним [Blom, Daalder, 1977]. Тогда смена направления семантического отношения происходит как при омонимии двух прочтений, так и при обратимости специфицирующих клауз. Саму возможность изменять направление отношения можно рассматривать как аргумент в пользу того, что структурно типы биноминативных предложений не отличаются, что, в свою очередь, косвенно подтверждает валидность анализа с инверсией.

Таким образом, различие между двумя основными типами биноминативных предложений задается в трех измерениях: во-первых, на основании денотативных статусов именных компонентов, во-вторых, на основании синтаксических ограничений на специфицирующие биноминативные предложения, в-третьих, на основании различий в информационной структуре. В следующем разделе мы посмотрим, на каких основаниях классифицируются русские биноминативные клаузы, и сопоставим имеющиеся классификации с теми критериями различения, которые были сформулированы на материале германских языков.

3. Биноминативные предложения в русском языке

В литературе о биноминативных предложениях в русском языке центральным вопросом был следующий: какая из двух именных составляющих является подлежащим, а какая – сказуемым? Часть исследователей предлагала считать, что главные члены в биноминативных предложениях неразличимы [Дурново, 1929; Шмелев, 1976; Ревзин, 1978]. Подбирались различные критерии для выделения подлежащего и сказуемого. Например, предлагалось определять подлежащее на основании согласования связки [Пешковский, 1938], на основании порядка слов [РГ-80].

Наиболее последовательно классификацией русских биноминативных предложений занимались Е.В. Падучева и В.А. Успенский в своих статьях [Падучева, Успенский, 1977, 1997]. Различение подлежащего

и сказуемого авторы проводят на основании двух критериев: содержательного и формального. Содержательный, или семантический, критерий сводится к оценке денотативного статуса компонентов биноминативной клаузы. Более референтный компонент предлагается считать подлежащим, более предикатный – сказуемым. Е.В. Падучева и В.А. Успенский выделяют четыре типа биноминативной структуры: (i) <референтная ИГ1, предикатная ИГ2> (10a), (ii) <квантифицированная ИГ1, предикатная ИГ2> (10b), (iii) <атрибутивная ИГ1, чисто референтная ИГ2> (10c), (iv) <предикатная ИГ1, квантифицированная ИГ2> (10d).

(10) [Падучева, Успенский, 1977, с. 125]

- a. *Ювелир Фужере – владелец этого особняка.*
- b. *Здесь каждая фраза – яркая подробность.*
- c. *Владелец этого особняка – ювелир Фужере.*
- d. *Аксиома – это истина, принимаемая без доказательств.*

Как можно заметить, референциальный критерий различения подлежащего и сказуемого Е.В. Падучевой и В.А. Успенского совпадает с критерием, по которому происходит разделение типов биноминативных предложений в классификации Ф.Р. Хиггинса. Отличие в том, что спецификация по денотативным статусам, представленная на материале русского языка, является более подробной. Между двумя классификациями можно установить следующее соответствие: типы (i–ii) соответствуют предикативным биноминативным предложениям, тип (iii) – специфицирующим. Предложения с *это* типа (iv) в данной статье мы не рассматриваем, хотя они сопоставляются с классом идентифицирующих предложений Ф.Р. Хиггинса (также подробнее об этом типе см. [Burukina et al., 2020]).

В качестве формального критерия для определения подлежащего и сказуемого выступает выбор контролера предикативного согласования. Е.В. Падучева и В.А. Успенский выделяют два основных класса биноминативных клауз: предложения, в которых подлежащее, выраженное более референтным компонентом, является темой (11a), и предложения, в которых подлежащее является ремой (11b). Второй класс получается из предложений первого класса с помощью коммуникативного преобразования – тематической инверсии. Независимо от того, является ли подлежащее тематическим компонентом предложения или рематическим, именно оно выступает контролером согласования. Для первого класса биноминативных клауз также возможно преобразование с помощью эмфатической инверсии (11c), при которой меняется линейное расположение компонентов, но сохраняется место главного фразового ударения (исходно рематический акцент на ИГ2, после преобразования – на ИГ1).

- (11) а. [Падучева, Успенский, 1997, (3)] (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)²

Шахматы ↗ *всегда были его любимое занятие* ↘
 тема рема

- б. [Падучева, Успенский, 1997, (11)] (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)

Его любимое занятие ↗ *были шахматы* ↘
 тема рема

- с. *Его любимое занятие* ↘ *были шахматы*
 рема тема

В качестве особого класса выделяются предложения идентификации, для которых авторы воздерживаются от выделения подлежащего и сказуемого. В целом для этого класса предложений оказывается невозможно упорядочить именные группы по степени референтности, взамен предлагается упорядочение по степени предполагаемой известности адресату. Связка при этом согласуется с идентифицирующим компонентом (ИГ2), который устраняет информационную недостаточность и является ремой высказывания (см. примеры в (12)). Несмотря на внешнее сходство с вторым классом предложений, по мнению Е.В. Падучевой и В.А. Успенского, предложения идентификации нельзя к нему отнести исходя из соображений деривации. Второй класс всегда образуется в результате линейно-акцентного преобразования (тематической инверсии) некоторой базовой структуры. Однако с точки зрения авторов, устранение тематической инверсии в данных предложениях приводит к неграмматичности (13). При обсуждении предложений по классификации в разделе 5 мы еще вернемся к данным примерам и обсудим возможные источники их неприемлемости.

- (12) а. [Падучева, Успенский, 1997, (17а)] (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)

Единственный, кто стал на нашу сторону ↗, *была Варвара* ↘.

- б. [Падучева, Успенский, 1997, (1)] (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)

Его кабинет ↗ *была большая, очень высокая комната* ↘.

- с. [Падучева, Успенский, 1997, (16)] (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)

Каждый третий заговорщик ↗ *была женщина* ↘.

² В статье используется следующая разметка коммуникативной структуры: тематический акцент на составляющей X: X↗; рематический акцент на составляющей X: X↘; наличие паузы между коммуникативными составляющими X₁ и X₂: X₁ | X₂.

- (13) а. * *Варвара была единственный, кто стал на нашу сторону*
 б. * *Женщина была каждый третий заговорщик*

Е.В. Падучева и В.А. Успенский отмечают целый ряд примеров, которые не укладываются в предложенное обобщение о моделях согласования. Во-первых, отмечаются предложения, в которых согласование происходит не с подлежащим, а с той именной группой, которая в результате оценки денотативных статусов показывает себя как более предикативная (14). Авторы классификации считают, что такое согласование является устаревшим и не соответствует нормам современного русского языка. К слову, идея о согласовании с ИГ2-ремой как о стилистическом приеме, который придает высказыванию оттенок книжности или архаичности, встречается и в рекомендациях пособий по стилистике [Голуб, 1997; Былинский, Розенталь, 2011]. Подобному впечатлению способствует тот факт, что с конца XIX в. употребление именительного падежа в составном сказуемом идет на убыль.

(14) [Падучева, Успенский, 1997, (5)]

- а. *Свадьба Наташи было (⇒ была) последнее радостное бытие в старой семье Ростовых.*
 б. *Многое из этого была (⇒ было) правда.*
 с. *Все это спокойствие была (⇒ было) одна чистая личина.*
 д. *Белинский была (⇒ был) замечательная личность.*

Далее, авторы приводят ряд предложений, которые расцениваются как предложения идентификации, однако, на наш взгляд, усмотреть в них ни субстанциональную, ни таксономическую идентификацию не представляется возможным. В (15а) невозможно определить, какая из именных групп является контролером согласования, поскольку для названия города допустимо согласование по родовому слову, а ИГ2 не является ни таксономической категорией, ни идентифицирующим компонентом. В примерах (15b, d) ИГ2 содержат рестриктивные относительные придаточные клаузы, которые также не подходят под идентифицирующую дескрипцию в представлениях об идентификации Н.Д. Арутюновой: они не обозначают ни онтологическое (с точностью до единицы), ни гносеологическое (с точностью до класса) тождество [Арутюнова, 1976, гл. V]. Мы считаем, что эти именные составляющие выполняют предикативную функцию. Наконец, в (15с) ИГ2 также не является идентифицирующим компонентом, поскольку не содержит идентифицирующие признаки. Заметим, что Е.В. Падучева и В.А. Успенский в целом не обсуждают, как выглядит соответствие

разных типов идентифицирующих дескрипций и денотативных статусов. Необходимость переместить предложения, приведенные в (14), из класса предложений с подлежащим-темой, а также в целом создание отдельного класса предложений-идентификации, которые не анализируются с позиций денотативного статуса, очевидно, вызваны тем, что в рассматриваемых предложениях грамматична модель согласования, которая является нетипичной для основного класса биноминативных предложений.

(15) [Падучева, Успенский, 1997, (6)]

- a. *Чебоксары был тот город, где я провел свое детство*
- b. *Воспаление легких была болезнь, которая косила людей одного за другим.*
- c. *Все его выступление была сплошная ложь.*
- d. *Восхищение других была та мазь колес, которая была необходима для того, чтоб ее машина совершенно свободно двигалась.*

Авторы указывают еще одну группу предложений, которые не подходят ни под основные классы биноминативных предложений, ни под класс предложений идентификации (16). В этих предложениях, в отличие от второго класса (подлежащее-рема, биноминативные предложения с тематической инверсией), доступно согласование с тематическим предикативным компонентом (ИГ1). Также для этих предложений с помощью устранения тематической инверсии возможен переход к базовой структуре, в которой связка согласуется с подлежащим.

(16) [Падучева, Успенский, 1997, (18)]

- a. *Столица была (*был) тогда Петроград*
- b. *Третья стадия была (*был) страх*
- c. *Их удел был (*была) бедность*
- d. *Его цель всегда была (*было) служение людям*
- e. *Его тема была (*был) русский театр*
- f. *Важный для него момент был (*было) возвращение в Москву*
- g. *Его дело было (*были) сатирические фельетоны*

Наконец, класс предложений с подлежащим-ремой допускает так называемое *Особое интонационное правило согласования*. В случае интонационного единства глагола-связки и тематического предикативного компонента (ИГ1) этот компонент может выступать в качестве

контролера согласования (17). Существование подобного правила, которое может быть актуальным не только для одного класса предложений, но и для остальных, а также вариативность в моделях согласования, которую классификация не способна фиксировать, – все это приводит к мысли о том, что согласовательная модель не должна быть отдельным признаком при выделении классов русских биноминативных предложений.

(17) [Шмелев 1976, с. 31; Падучева, Успенский, 1997, (13)]

а. *Поза моя – было величие.*

б. *Поза его была – шик.*

Прежде, чем мы перейдем к обсуждению того, как классификацию Е.В. Падучевой и В.А. Успенского можно было бы соотнести с оппозицией предикативных и специфицирующих предложений, рассмотрим еще одну попытку классифицировать русские биноминативные клаузы. В истории изучения русских биноминативных предложений была принята попытка спроецировать классификацию Ф.Р. Хиггинса на русский язык. Работа Л. Гайст представляет адаптацию классификации для русского языка, причем рассматривается расширенная группа биноминативных предложений: в нее также включаются те предложения, в которых одна из именных групп маркируется творительным падежом [Geist, 2007].

Вслед за работами на материале английского языка, Л. Гайст призывает классификацию биноминативных предложений к порядку следования именных групп, одна из которых является референтной. Так, к предикативным биноминативным предложениям относятся те, в которых ИГ1 имеет референтное значение, а ИГ2 – нереперентное; к специфицирующим – те предложения, в которых ИГ2 имеет референтное значение и находится в фокусе, а ИГ1 является нереперентной и представляет собой фон. При этом Л. Гайст обобщает, что в русском языке в специфицирующих предложениях контролером согласования всегда становится ИГ2 (примеры специфицирующих предложений Л. Гайст представлены в (18)). Как видим, предложение, которое было классифицировано как предложение идентификации у Е.В. Падучевой и В.А. Успенского, Л. Гайст также относит к специфицирующим (18с).

(18) [Geist, 2007, (45)]

а. *Убийца старухи – Раскольников.*

б. *Причиной аварии *была / были неисправные тормоза.*

с. *Единственный, кто стал на нашу сторону, была Варвара.*

Л. Гайст обращает внимание, что не всякое предикативное выражение, доступное в предикативных биноминативных предложениях, может использоваться в специфицирующих биноминативных предложениях. Для иллюстрации этого наблюдения Л. Гайст приводит следующие предложения: предикативное (19а) и специфицирующее (19b), в котором именная группа *учитель по профессии* на первой позиции вызывает неграмматичность. Низкую оценку, по мнению автора, вызывает тот факт, что именная группа является базовым предикатом (англ. *core predicate*), употребление которого в русских специфицирующих биноминативных предложениях запрещено. На наш взгляд, неграмматичность в примере (19b) возникает по другой причине. Предложения (19а) и (19b) противопоставлены не только по взаимному расположению более и менее референтной именной составляющей, которое определяет тип биноминативного предложения. Они отличаются также падежным маркированием предикативных составляющих и наличием/отсутствием выраженной бытийной связки. Тематическая инверсия с творительным предикативным (19с) кажется нам вполне допустимой, как и аналогичная пара предложений, в которых обе именные группы стоят в номинативе (19d, e).

- (19) а. *Иван был учителем по профессии* [Geist, 2007, (47b)]
б. *#Учитель по профессии – Иван* [Там же]
с. *Учителем по профессии был Иван*
д. *Иван был учитель по профессии*
е. *Учитель по профессии был Иван*

В своей работе Л. Гайст приходит к выводу, что коммуникативная структура двух типов биноминативных предложений отличается. Для этого она проводит диагностику коммуникативной структуры предложений с помощью перифраза *Что касается X*. Так, предикативное биноминативное предложение (20а) может быть перифразировано только как (21а), специфицирующее биноминативное предложение (20b) может быть перифразировано только как (21b). Из этого делается вывод, что топик в двух типах биноминативных предложений отличается. При этом перифраз предложения (19а) неграмматичен (22). Данный факт Л. Гайст объясняет тем, что именная группа *учитель по профессии* представляет собой предикат без референта в пресуппозиции. Подобные предикаты не могут употребляться в специфицирующих предложениях, поскольку ИГ1 в специфицирующих биноминативных предложениях

моделируется как объект семантического типа <e>, который получается в результате применения специального семантического оператора идентификации (*ident*).

(20) [Geist, 2007, (48)]

- a. *Раскольников – убийца.*
- b. *Убийца – Раскольников.*

(21) [Там же, (49)]

- a. *Что касается Раскольникова, я думаю, что он убийца.*
- b. *Что касается убийцы, я думаю, что это Раскольников.*

(22) [Там же, (50)]

- **Что касается учителя по профессии, я думаю, что это Иван.*

В рассуждениях Л. Гайст мы видим ряд противоречий. Во-первых, она предполагает, что различие между специфицирующим и предикативным типом достигается исключительно за счет обратимости более и менее референтной именной группы, но формальный анализ при том предполагает референтность обеих именных групп в специфицирующих биноминативных предложениях. Далее, мы считаем, что в работе Л. Гайст специфицирующий тип биноминативных предложений смешивается со случаями тематической инверсии предикативных биноминативных предложений. Подобное смешение возникает в том числе в результате того, что при анализе игнорируется коммуникативная схема предложений. Помимо прочего, мы уже отметили нестрогость минимальных противопоставлений.

Сравнение классификации Е.В. Падучевой и В.А. Успенского с классификацией, представленной в работе Л. Гайст, подчеркивает необходимость использовать в качестве определяющего критерия для классификации не абстрактное противопоставление более и менее референтных именных групп, но спецификацию по денотативному статусу. Кроме того, мы видим явную необходимость также учитывать акцентную схему предложения и тема-рематическое членение. Классификация исключительно по порядку именных групп неспособна зафиксировать различия в употреблении биноминативных предложений, наблюдаемые в русском языке. Однако классификация Е.В. Падучевой и В.А. Успенского ставит под сомнение использование в качестве критерия собственной модели согласования. В следующем разделе мы обсудим, стоит ли использовать согласовательную модель в качестве основания для классификации биноминативных предложений.

4. Модели согласования в русских биноминативных предложениях

Формальным критерием для классификации биноминативных предложений Е.В. Падучевой и В.А. Успенского выступает выбор контролера согласования. В частности, для двух основных классов предполагается согласование с более референтной именной группой. В случае предиктивного отношения между ИГ1 и ИГ2 контролером согласования в нейтральном случае выступает ИГ1, при эмфатической инверсии – ИГ2, при тематической инверсии – также ИГ2. Сложности для классификации вызывали те случаи согласования, которые не получалось отнести ни к одному из названных преобразований.

Мы считаем, что согласование не должно использоваться в качестве отдельного критерия при классификации биноминативных клауз. Во-первых, типологические данные показывают, что класс специфицирующих биноминативных предложений допускает большую вариативность при выборе согласовательной модели. Для ряда германских языков показано, что формальный признак согласования только с одной именной группой соблюдается необязательно [Hartmann, Neusock, 2020]. Во-вторых, оказывается, что коммуникативные преобразования способны менять согласовательную модель, в частности, смена контролера согласования возможна при действии особого интонационного правила. Стоит упомянуть также наблюдения из рекомендаций по стилистике о том, что согласование с предикатной ИГ может использоваться для усиления ее значения [Голуб, 1997; Былинский, Розенталь, 2011].

В целом мы предлагаем посмотреть на согласование в биноминативных конструкциях под другим углом. Биноминативные предложения представляют собой уникальную конструкцию, в которой есть два потенциальных контролера предикативного согласования. Они оба при этом имеют одинаковые падежные характеристики, оба маркированы именительным падежом, а значит, определяющим при выборе контролера согласования может быть соотношение ф-признаков именных групп и другие параметры, задающие асимметрию двух именных групп.

Для конструкций, в которых доступны несколько потенциальных контролеров согласования, или в которых допустимо несколько согласовательных стратегий (например, грамматическое и прагматическое согласование), характерно выделять факторы, способствующие выбору того или иного варианта согласования. В качестве примера приведем ряд факторов, которые были выделены в частотно-стилистическом словаре [Граудина и др., 1976] для предикативного согласования по числу в кон-

струкциях с количественными существительными (*ряд, большинство*), количественными и местоименными числительными (*сто; несколько; около миллиона, более ста*), сочиненным подлежащим (*поехали/поехал машинист и помощник*) и т.п. Среди семантических факторов, которые способствуют согласованию по единственному числу, можно отметить пассивность субъекта действия, совместность действия, стремление обратить внимание на количество, названное в подлежащем, а также стилизация под книжную речь. Синтаксические факторы могут способствовать выбору согласования по множественному числу: например, наличие постпозитивного определительного оборота, однородных зависимых, постпозиция сказуемого. На выбор согласования также может повлиять удаленность предиката и подлежащего. Вес факторов может отличаться, сами факторы могут сочетаться друг с другом, в результате чего получается сложная картина распределения согласовательных моделей.

Мы предполагаем, что та вариативность, которую стремятся зафиксировать в своей классификации Е.В. Падучева и В.А. Успенский, во многом определяется именно дополнительными факторами, которые делают тот или иной вариант согласования более приемлемым в конкретном предложении. В данной работе мы не ставим цели привести исчерпывающий список таких факторов, но проиллюстрируем нашу мысль, выделив несколько потенциальных причин вариативности.

Во-первых, заметим, что ни один из вариантов согласования, альтернативных приведенным в классификации Е.В. Падучевой и В.А. Успенского, нельзя назвать запрещенным. В примере (23) представлены оба варианта согласования для предложений, которые относятся к разным классам, и ни один вариант не вызывает неграмматичности. При том, несомненно, приемлемость двух вариантов может отличаться.

(23) [Падучева, Успенский, 1997]

- a. *Пугачев в ту минуту был/была власть.*
- b. *Суций демон был/была его жена.*
- c. *Самое страшное было/была физика.*
- d. *Его кабинет был/была большая, очень высокая комната.*
- e. *Единственный, кто стал на нашу сторону, был/была Варвара.*
- f. *Третья стадия была/был страх.*

Во-вторых, обратим внимание, что особое интонационное правило, которое отмечают Е.В. Падучева и В.А. Успенский, применимо не только к классу биноминативных предложений с тематической инверсией.

Понижение приемлемости согласования с именной группой, которая не входит в одну синтагму с глаголом-связкой, наблюдается и для предикативных биноминативных предложений, причем как при согласовании по категории рода (24), так и при согласовании по категории числа (25) (полужирным в примерах выделен контролер согласования).

- (24) а. Их **отъезд** был | любопытное зрелище.
 б. ? Их **отъезд** было | **любопытное зрелище**.
 в. ? Их **отъезд** | был любопытное зрелище.
 д. Их **отъезд** | было **любопытное зрелище**.
 е. ? Любопытное зрелище был | **их отъезд**.
 ф. **Любопытное зрелище** было | **их отъезд**.
 г. Любопытное зрелище | был **их отъезд**.
 х. ? **Любопытное зрелище** | было **их отъезд**.
- (25) а. **Утренние сборы** были | любопытное зрелище.
 б. ? Утренние сборы было | любопытное зрелище.
 в. ? **Утренние сборы** | были любопытное зрелище.
 д. Утренние сборы | было любопытное зрелище.
 е. ? Любопытное зрелище были | **утренние сборы**.
 ф. **Любопытное зрелище** было | **утренние сборы**.
 г. Любопытное зрелище | были **утренние сборы**.
 х. ? **Любопытное зрелище** | было **утренние сборы**

Далее, обратимся к факторам, выделенным в [Граудина и др., 1976], и рассмотрим подробнее фактор удаленности предиката и контролера согласования. Большое расстояние от ИГ1 до глагола-связки, которое появляется за счет определительного оборота, снижает вероятность согласования с этой именной группой (26). Аналогичные предложения без зависимых оборотов вполне допускают согласование с ИГ1 (27).

- (26) [Падучева, Успенский, 1997]
- а. *Первое, что бросилось в глаза Привалову, был какой-то господин, который сидел у стола.*
 б. *Единственный, кто стал на нашу сторону, была Варвара.*
 в. *Первое лицо, которое он увидел, была Наташа.*

(27) а. *Первая цель была/был какой-то господин, который сидел у стола.*

б. *Единственный союзник был/была Варвара.*

с. *Первое лицо было/была Наташа.*

В качестве факторов, способствующих согласованию с той или иной именной составляющей, могут выступать конкретные значения определенных грамматических категорий. Так, в (28) представлены специфицирующие предложения, в которых именные составляющие имеют разные значения категории рода. Складывается впечатление, что не во всех комбинациях одинаково допустимы согласование с ИГ1 и согласование с ИГ2, в частности, согласование с ИГ1 в мужском роде (28а, б) менее приемлемо, чем согласование с ИГ1 в женском и среднем роде (28с–f). Аналогично в [Падучева, Успенский, 1997] выделяется группа предложений, в которых возникают затруднения в согласовании: так, в (29) сложности вызваны разными значениями грамматической категории рода и числа.

(28) а. *Новый арендатор_М ?был / была съемочная группа_Ф*

б. *Источник раздора_М ?был / было охранный предприятие_Н*

с. *Основная проблема_Ф была/был экспертный совет_М*

д. *Первая цель_Ф была/было новое руководство_Н*

е. *Главное препятствие_Н было/была ревизионная комиссия_Ф*

ф. *Основное направление_Н было/был промышленный дизайн_М*

(29) [Падучева, Успенский, 1997, (14а, б)]

а. *Основа нашей связи *было/*была духовное родство*

б. *Характерная черта его прозы *были/*была рубленные фразы*

Асимметрия конкретных значений вполне возможна, хотя бы потому, что частотность существительных разного рода отличается. Кроме того, усматриваются морфофонологические особенности существительных, которые оказываются более/менее типичными для отдельных значений рода (см. подробнее [Slioussar, 2018]), следовательно, с большей или меньшей вероятностью будут вызывать соответствующее согласование. Несомненно, такие обобщения требуют эмпирической проверки, тем не менее, пока соответствующие данные отсутствуют, нельзя отрицать подобного влияния.

Наконец, в биноминативных предложениях может наблюдаться эффект синкретичного согласования, который проявляется как повышение приемлемости в случае совпадения функционально различных

грамматических категорий и форм. Так, при совпадении значений категории рода приемлемость биноминативного предложения может повышаться (см. (30) по сравнению с (28)).

- (30) а. *Новый арендатор_М был экспертный совет_М*
б. *Главное препятствие_Н было охранное предприятие_Н*
с. *Основная проблема_Ф была ревизионная комиссия_Ф*

Итак, в данном разделе мы обосновали, почему согласование не должно включаться в качестве отдельного критерия для классификации биноминативных предложений. Мы выделили ряд факторов, которые могут способствовать выбору того или иного контролера согласования. Теперь мы представим решение задачи по определению специфицирующих и предикативных биноминативных клауз в русском языке и классификацию, которая будет способствовать исследованию проблематики согласования на материале русских биноминативных предложений.

5. Предложения по классификации

Мы показали ранее, что оппозиция специфицирующих и предикативных биноминативных предложений задается на основании трех критериев: линейный порядок именных групп с различным референциальным статусом, синтаксических ограничений, различий в информационной структуре. Для русского языка Е.В. Падучева и В.А. Успенский проводят классификацию также на основании денотативных статусов, а затем на основании согласовательного критерия. Хотя авторы классификации не выделяют признак актуального членения в качестве отдельного критерия, несомненно, что он также позволяет выделить некоторые подклассы русских биноминативных предложений (в частности, случаи тематической и эмфатической инверсии).

Обговорим цели, которые мы ставим при классификации русских биноминативных предложений. В первую очередь нас будет интересовать, как оппозиция специфицирующих и предикативных биноминативных предложений, которая мыслится универсальной, реализуется в русском языке. Как мы уже говорили, материал биноминативных предложений оказывается востребованным при исследовании механизмов согласования. Сопоставление материала различных языков, которые отличаются набором доступных значений грамматических параметров, позволит более широко взглянуть на феномен согласования, в частности, на соотношение грамматических категорий и их значений. Как показывают материалы германских языков, именно искомая

оппозиция представляет собой эмпирический полигон для исследования варьирования в выборе контролера согласования.

Обратим внимание на то, что хотя содержательный и формальный критерий в работах Е.В. Падучевой и В.А. Успенского декларируются как задающие классы русских биноминативных предложений одновременно, не проводится их последовательного сопоставления. При выделении критериев мы считаем важным провести последовательный перебор значений отдельных критериев и их комбинаций. Мы будем действовать подобным образом, применяя референциальный критерий, с одной стороны, и анализируя линейно-акцентную структуру биноминативных предложений – с другой. При построении классификации мы будем в первую очередь рассматривать биноминативные предложения с выраженной связкой; предложения с творительным предикативным в предмет нашего исследования входить не будут.

Начнем классификацию русских биноминативных предложений с соотношения денотативных статусов именных компонентов. К группе предикативных биноминативных предложений, вслед за классификациями [Higgins, 1979; Падучева, Успенский, 1997], в русском языке мы относим те биноминативные предложения, в которых одна именная группа вводит референта, который получает свойства, описанные второй именной группой. По денотативному статусу одна именная группа является референтной, вторая – предикатной. При подобном соотношении денотативных статусов в русском языке возможно два типа линейно-акцентной структуры. В первом случае референтная именная группа расположена перед глагольной связкой и является темой высказывания (31). Другой вариант – это случай эмфатической инверсии, когда референтная именная группа занимает посткопульное положение (32). При этом в обоих случаях предикативная ИГ, которая является рематическим компонентом, несет главное фразовое ударение, которое реализуется как нисходящий акцент.

(31) [Падучева, Успенский, 1997]

(разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)

- a. *Она была единственное дитя* \
- b. *Шахматы* / *всегда были его любимое занятие* \
- c. *Пугачев в ту минуту* / *был власть* \
- d. *Женитьба на Элен* / *была бы несчастье* \
- e. *Весь дом* / *был тайна* \
- f. *Тот цветок* / *был ночная фиалка* \

тема

рема

контекст, в котором оно допустимо, можно считать достаточно специфичным. Рематический акцент на референтной ИГ1 может лицензироваться вопросом к этой именной составляющей (34).

(34) Кто был настоящим хозяином в доме?

Его жена \ была настоящий хозяин в доме.

рема

тема

Возможность инверсии компонентов биноминативных предложений говорит против обобщения о том, что порядок именных групп определенного типа строго фиксирован. Рассмотрим еще одно обобщение касательно информационной структуры биноминативных клауз. Напомним, что для специфицирующих предложений в понимании Ф.Р. Хиггинса и его последователей референтная ИГ2 всегда находится в фокусе. Причем фокус на атрибутивной ИГ1 при специфицирующем прочтении недопустим. Мы предполагаем, что для русского языка говорить о грамматическом запрете не приходится. Коммуникативное преобразование, при котором более предикативный компонент в начальной позиции получает рематический акцент, доступно, если оно удовлетворяет определенной коммуникативной задаче. В частности, в (35a) нисходящий рематический акцент на атрибутивной ИГ1 лицензируется соответствующим вопросом, как и в предикативном биноминативном предложении (35b). В результате коммуникативная структура соответствует той, которая наблюдается в случае эмфатической инверсии предикативных биноминативных предложений, отмеченной Е.В. Падучевой и В.А. Успенским. Таким образом, с точки зрения коммуникативного членения, мы не наблюдаем грамматических асимметрий для биноминативных предложений двух типов.

(35) а. *Что аспиранты делали на этой лекции?*

Помощники лектора \ были/была пара аспирантов

рема

тема

б. *Что показалось тебе неудачным в нашей рекламной компании?*

Заметки в газете \ были/была полная неразбериха

рема

тема

Теперь рассмотрим случаи, которые оказались проблемными для классификации [Падучева, Успенский, 1997]. Для предложений идентификации предлагается считать, что выделять подлежащее и сказуемое нецелесообразно, поскольку в таких предложениях никакому референту не приписываются свойства. Тем не менее, авторы называют

сказуемым ИГ2 – элемент, который устраняет информационную недостаточность. Выше мы уже приходили к заключению, что выделение подлежащего и сказуемого в предложениях типа (36) не подкреплено никакими соображениями, кроме контроля согласования. Теперь рассмотрим подробнее аргумент в пользу того, что эти предложения не принадлежат классу с подлежащим-ремой. Напомним, что для отношения идентификации Е.В. Падучева и В.А. Успенский допускают только один порядок номинативных составляющих, в котором согласование идет с ИГ2-ремой. Обратный порядок, появляющийся в результате устранения тематической инверсии, считается неграмматичным (37). Мы предполагаем, что биноминативные предложения с инвертированным порядком типа (37а) оказываются малоприемлемыми из-за рассогласования связки и прилагательного. Сравним приемлемый неинвертированный порядок в (38b) для (38а).

- (36) а. [Падучева, Успенский, 1997, (17а)]
 (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)
Единственный, кто стал на нашу сторону /, была Варвара \.
- б. [Падучева, Успенский, 1997, (1)] (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)
Его кабинет / была большая, очень высокая комната \.
- с. [Падучева, Успенский, 1997, (16)] (разметка коммуникативной структуры – моя. – А.Г.)
Каждый третий заговорщик / была женщина \.
- (37) а. * *Варвара была единственный, кто стал на нашу сторону*
 б. * *Женщина была каждый третий заговорщик*
- (38) а. *Представитель компании, которого он увидел, была Наташа.*
 б. *Наташа была представитель компании, которого он увидел.*

В целом требование наличия неинвертированного порядка слов, хоть он и оказывается возможным, не является критичным для нашей версии классификации. Если отвлечься от деления на подлежащее и сказуемое, по распределению денотативных статусов биноминативные предложения с отношением идентификации не отличаются от биноминативных предложений с тематической инверсией, т.е. являются специфицирующими предложениями. Сходным образом организована и коммуникативная структура данных предложений при нейтральной коммуникативной стратегии, в которой тема предшествует реме.

Единственный подкласс биноминативных предложений, выделяемый Е.В. Падучевой и В.А. Успенским в качестве предложений идентификации, который, на наш взгляд, не вполне укладывается в группу

специфицирующих биноминативных предложений, это предложения, – в которых одна из именных групп является квантифицированной, а другая имеет статус родовой. С нашей точки зрения, употребление ИГ в приведенном примере (36с) скорее является предикатным, что обуславливает принадлежность к предикативным биноминативных предложениям.

Наконец, определим статус группы проблемных случаев. Данная группа также выделяется на основании формального критерия согласования³. На наш взгляд, распределение денотативных статусов в таких предложениях снова соответствует группе специфицирующих биноминативных предложений. В случае абстрактных существительных возникает сложность при определении денотативного статуса, однако здесь может помочь определение специфицирующих биноминативных предложений, предложенное Ф.Г. Хиггинсом, согласно которому ИГ1 вводит переменную или открывает список, а ИГ2 предоставляет значение для этой переменной или вводит элемент, принадлежащий множеству. Мы предполагаем, что в специфицирующих биноминативных конструкциях с абстрактными существительными в нейтральной коммуникативной ситуации ИГ2 представляет собой компонент, который насыщает семантическую валентность главной лексемы другого компонента.

(39) [Падучева, Успенский, 1997 (18)]

- a. *Столица* была (*был) тогда Петроград
- b. Третья *стадия* была (*был) страх
- c. Их *удел* был (*была) бедность
- d. Его *цель* всегда была (*было) служение людям
- e. Его *тема* была (*был) русский театр
- f. Важный для него *момент* был (*было) возвращение в Москву
- g. Его *дело* было (*были) сатирические фельетоны

Примечательно, что в исследовании [Hartmann, Neusock, 2020] на материале немецкого, нидерландского, фарерского и исландского языков формулируются практические рекомендации по разрешению омонимии специфицирующих и предикативных биноминативных предложений. В частности, для прототипического прочтения рекомендуется использовать в качестве первого компонента определенные дескрипции,

³ В [РГ-80, т. 2, с. 288, § 2339] подобные примеры выделяются как группа биноминативных предложений, в которых ИГ-тема представляет собой «существительное, семантика которого предполагает указание на предшествующий контекст». Эти предложения также объединяются с классом предложений с тематической инверсией.

обозначающие роли (напр., англ. *winner, candidate*), или абстрактные существительные (напр., англ. *reason/cause, problem, hope, inspiration*). Кроме того, в экспериментальном исследовании [Hartmann, Neusock, 2017] различий в согласовании для специфицирующих предложений с использованием абстрактных и неабстрактных существительных обнаружено не было, на фоне явных отличий специфицирующих биноминативных предложений и предикативных. Такие результаты также говорят в пользу отнесения группы проблемных случаев к специфицирующим биноминативным предложениям.

6. Заключение

Настоящая работа была призвана определить набор формальных признаков для классификации русских биноминативных клауз. Мы подробно рассмотрели оппозицию предикативных и специфицирующих биноминативных предложений, которая преимущественно разрабатывалась на материале германских языков. Данное противопоставление проводится по трем основным критериям: по соотношению денотативных статусов именных компонентов, синтаксическим ограничениям, а также особенностям информационной структуры.

Далее мы представили классификации биноминативных клауз в русском языке. Мы отметили недостатки существующих классификаций, которые связаны с излишней спецификацией выделяемых классов, которая приводит к необходимости выделять классы-исключения. Дополнительная спецификация при этом связана с фиксированной моделью согласования.

Мы привели несколько аргументов против использования согласовательных характеристик предложения в качестве критерия для классификации биноминативных предложений. В частности, мы показали, что логично рассматривать биноминативные конструкции в контексте проблематики согласовательной вариативности. Было продемонстрировано, что приемлемость моделей согласования может определяться дополнительными факторами, как из области коммуникативных преобразований, так и связанных с конкретными значениями грамматических категорий контролера согласования.

В результате работы мы предложили классификацию русских биноминативных клауз. В предложенной классификации мы проецируем оппозицию специфицирующих и предикативных биноминативных предложений на материал русского языка за счет того, что рассматриваем в качестве основного критерия соотношение денотативных статусов именных групп. При том в отличие от классификаций для германских

языков, в нашей классификации расположение компонентов биноминативных предложений не является строго фиксированным. Мы показали, что контекст может лицензировать различные коммуникативные преобразования биноминативной структуры вне зависимости от расположения более и менее референтных именных групп. Полученная классификация позволяет последовательно сопоставить типы биноминативных предложений и их линейно-акцентную структуру, а значит, более обстоятельно подойти к исследованию того многообразия факторов, которое определяет выбор контролера согласования.

Библиографический список / References

Арутюнова, 1976 – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976. [Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [The sentence and its meaning. Logical and semantic problems]. Moscow, 1976.]

Былинский, Розенталь, 2011 – Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011. [Bylinskii K.I., Rozental D.E. Literaturnoe redaktirovanie [Literary editing]. Learning guide. 3rd ed. Moscow, 2011.]

Голуб, 1997 – Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. М., 1997. [Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of Russian language]. Learning guide. Moscow, 1997.]

Граудина и др., 1976 – Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи (Опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М., 1976. [Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. Grammaticheskaya pravilnost russkoi rechi (Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov) [Grammatical correctness of Russian speech (A frequency and stylistic dictionary)]. Moscow, 1976.]

Дурново, 1929 – Дурново Н.Н. Повторительный курс грамматики русского языка. М.; Л., 1929. [Durnovo N.N. Povtoritelnyi kurs grammatiki russkogo yazyka [A refresher course of Russian grammar]. Moscow; Leningrad, 1929.]

Падучева, 1985 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. [Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost s deistvitelnostyu [Utterance and its relationships with reality]. Moscow, 1985.]

Падучева, Успенский, 1979 – Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 349–360. [Paducheva E.V., Uspenskii V.A. Subject or predicate? (Semantic criteria for distinguishing between subject and predicate in binominative sentences). *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1979. Vol. 38. No. 4. Pp. 349–360. (In Rus.)]

Падучева, Успенский, 1997 – Падучева Е.В., Успенский В.А. Биноминативное предложение: проблема согласования связки // Облик слова. Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева / Под ред. К. Крысина. М., 1997. С. 170–182.

[Paducheva E.V., Uspenskii V.A. Binominative sentence: The problem of copula agreement. *Oblik slova. Sbornik statei pamyati D.N. Shmeleva*. L.P. Krysin (ed.). Moscow, 1997. Pp. 170–182. (In Rus.)]

Пешковский, 1938 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. [Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, 1938.]

РГ-80 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1, 2. Moscow, 1980.]

Ревзин, 1978 – Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978. [Revzin I.I. Struktura yazyka kak modeliruyushchei sistemy [The structure of language as a modelling system]. Moscow, 1978.]

Шмелев, 1976 – Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976. [Shmelev D.N. Sintaksicheskaya chlenimost vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke [Syntactic articulability of a statement in the modern Russian]. Moscow, 1976.]

Adger, Ramchand, 2003 – Adger D., Ramchand G. Predication and Equation. *Linguistic Inquiry*. 2003. Vol. 34. No. 3. Pp. 325–359.

Akmajian, 1979 – Akmajian A. Aspects of the grammar of focus in English. New York, 1979.

Arche et al., 2019 – Arche M.J., Fábregas A., Marín R. Main questions in the study of copulas. *The grammar of copulas across languages*. Oxford University Press, 2019. Pp. 1–30.

Bejar et al., 2015 – Bejar S., Denniss J., Kahnemuyipour A., Yokoyama T. Number matching in binominal small clauses. *The Grammar of Copulas Across Languages*. Oxford University Press, 2019. Pp. 90–106.

Béjar, Kahnemuyipour, 2017 – Béjar S., Kahnemuyipour A. Non-canonical agreement in copular sentences. *Journal of Linguistics*. 2017. Vol. 53. No. 3. Pp. 463–499.

Béjar, Kahnemuyipour, 2018 – Béjar S., Kahnemuyipour A. Not all phi-features are created equal: A reply to Hartmann and Heycock. *Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 54. No. 3. Pp. 629–635.

Blom, Daalder, 1977 – Blom A., Daalder S. Syntaktische Theorie en Taalbeschrijving. Muiderberg, 1977.

Burukina et al., 2020 – Burukina I., Borise L., den Dikken M. Russian èto, predication, and big DPs. Paper presented at the 10th conference “Typology of Morphosyntactic Parameters”, 7–9 October 2020, Moscow, Russia.

Declerck, 1984 – Declerck R. Some restrictions on clefts that highlight predicate nominals. *Journal of Linguistics*. 1984. Vol. 20. No. 1. Pp. 131–154.

Declerck, 1988 – Declerck R. Studies on copular sentences, clefts and pseudo-clefts. Leuven, 1988.

den Dikken, 2006 – den Dikken M. Specificational copular sentences and pseudoclefts. *The Blackwell Companion to Syntax*. 2006. Vol. IV. Pp. 292–409.

den Dikken et al., 2000 – den Dikken M., Meinunger A., Wilder C. Pseudoclefts and Ellipsis. *Studia Linguistica*. 2000. No. 54. Pp. 41–89.

Donnellan, 1966 – Donnellan K.S. Reference and definite descriptions. *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75. No. 3. Pp. 281–304.

Donnellan, 1968 – Donnellan K.S. Putting humpty dumpty together again. *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77. No. 2. Pp. 203–215.

Geist, 2007 – Geist L. Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English. *Existence: Semantics and Syntax*. Dordrecht, 2008. Pp. 79–105.

Grosu, 1972 – Grosu A. The strategic content of island constraints. Working papers in linguistics (13). Ohio State University. 1972.

Guéron, 1993 – Guéron J. Beyond predication: The Inverse copula construction in English. Paris, 1993.

Hartmann, 2019 – Hartmann J.M. Focus in nominal copula clauses in English. Featherston S., Hörnig R., Wietersheim S., Winkler S. *Experiments in focus: Information structure and semantic processing. Linguistische Arbeiten*. Berlin, 2019. Pp. 71–103.

Hartmann, Heycock, 2017 – Hartmann J.M., Heycock C. Variation in copular agreement in Insular Scandinavian. *Syntactic Variation in Insular Scandinavian*. 2017. Vol. 1. Pp. 233–275.

Hartmann, Heycock, 2020 – Hartmann J.M., Heycock C. (Morpho)syntactic variation in agreement: Specificational copular clauses across Germanic. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 10. P. 2994.

Higgins, 1979 – Higgins F.R. The pseudo-cleft construction in English. New York, NY, 1979.

Heggie, 1988 – Heggie L.A. The syntax of copular structures. PhD dis. Los Angeles, University of Southern California. 1988.

Heycock, Kroch, 1999 – Heycock C., Kroch A. Pseudocleft connectedness: Implications for the LF interface level. *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. Pp. 365–398.

Mikkelsen, 2005 – Mikkelsen L. Copular clauses. Specification, predication and equation. Amsterdam, 2005.

Mikkelsen, 2011 – Mikkelsen L. Copular clauses. *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Vol. 2. K. von Stechow, C. Maienborn, P. Portner (eds.). Berlin, 2011. Pp. 1805–1829.

Moro, 1991 – Moro A. The raising of predicates. *MIT Working Papers in Linguistics*. 1991. Vol. 15. Pp. 193–218.

Moro, 1997 – Moro A. The Raising of predicates: Predicative noun phrases and the theory of clause structure. Cambridge, 1997.

Schlenker, 2003 – Schlenker P. Clausal equations: A note on the connectivity problem. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. No. 1. Pp. 157–214.

Slioussar, 2018 – Slioussar N. Forms and features: The role of syncretism in number agreement attraction. *Journal of Memory and Language*. 2018. Vol. 101. Pp. 51–63.

Van Praet, 2019 – Van Praet W. Focus assignment in English specificational and predicative clauses: Intonation as a cue to information structure? *Acta Linguistica Hafniensia*. 2019. Vol. 51. No. 2. Pp. 222–241.

Verheugd, 1990 – Verheugd E. Subject arguments and predicate nominals: A study of French copular sentences with two NPs. Amsterdam, 1990.

Об авторе / About the author

Герасимова Анастасия Алексеевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; участник Междисциплинарной научно-образовательной школы «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Anastasia A. Gerasimova – PhD Candidate at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; junior researcher at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; participant of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence», Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4686-5598>

E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com